

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 801.733

Алиева Э.Н.

Московский городской психолого-педагогический университет

Веденяпина Э.А.

Московский институт экономических преобразований

Ханбалаева С.Н.

Московский государственный институт международных отношений

КОММЕНТАРИЙ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

E. Aliyeva

Moscow State University of Psychology and Education

E. Vedenyapina

Moscow Institute of Economic Reforms

S. Khanbalaeva

Moscow State Institute of International Relations

COMMENTARY AS A KEY TO UNDERSTANDING A LITERARY TEXT

Аннотация. В статье речь идёт о проблеме обучения чтению как процессу усвоения прочитанного через адаптацию текста без ущерба для содержания, а затем переходу к полноценному художественному произведению, которое сопровождается пояснением, толкованием, комментарием. Комментарий, содержащий необходимое количество информации – лингвистической, литературоведческой, исторической, этнографической, этимологической, способен пробудить интерес к чтению и к языку. В нашей статье комментарий рассматривается как существенное обучающее средство, как путеводитель по страницам книг, составляющих гордость русской культуры.

Ключевые слова: адаптация, пояснение, толкование, комментарий, художественное произведение, понимание, обучение чтению.

Abstract. The article deals with the problem of teaching reading as a process of understanding the text through its adaptation without detriment to the content followed by transition to full artistic work provided with explanation, interpretation and commentary. Commentary that contains necessary and sufficient information, be it linguistic, literary, historical, ethnographical, etymological, is apt to arouse interest in reading and in the language. In our article, commentary is considered as a powerful teaching means as well as a guide to books which are the glory of the Russian culture.

Keywords: adaptation, explanation, interpretation, commentary, an artistic work, understanding, teaching reading.

В наши дни возникла проблема обучения чтению как процессу освоения и усвоения прочитанного для разных категорий обучающихся. Это русские дети, с самого раннего возраста имеющие навык усвоения информации благодаря телевизору и компьютеру через слух и зрение. Это дети иностранцев из бывших республик СССР, родившиеся вне зоны изучения русского языка на родине и вдруг оказавшиеся на русской территории. Это взрослые, формально умеющие читать (складывать слова из букв), но не приобретшие знаний исторических и культурных реалий прошлого – как ближайшего, так и тем более отдаленного.

Проблему эту, не формулируя её и не обсуждая, стали решать на практике и решать – увы! – варварски. Появились сборники облегчённых текстов, видимо считающихся адаптированными, но ничего общего с адаптацией не имеющих. Между тем для начального этапа обучения чтению есть несложные тексты как в прозе, так и в стихах. Девизом могут служить стихи А. Твардовского: «Вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке», а примерами могут стать стихи А. Пушкина, С. Есенина и других поэтов. Возьмём в качестве примера стихотворение «Если жизнь тебя обманет...», которое необходимо заучить в раннем возрасте.

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило [4, с. 217].*

Примерами прозаическими могут служить сказки, пословицы и поговорки. Без ущерба для содержания адаптируются небольшие тексты жанра стихотворений в прозе. Для примера возьмём рассказ Ю. Нагибина «Заброшенная дорога».

Часто бывает, что чудеса находятя возле нас – протяни руку и возьми.

Загадочен был этот светлый и чистый берёзовый лесок. Чем дальше я шёл, тем плотнее росли деревья, трава поднялась в половину моего роста. И тут я набрёл на мальчика, и свершилось чудо этого дня. Он расчищал от сорной травы заброшенную дорогу. Она никуда не вела. Он же не только полыл шоссе, но и укреплял его по бокам.

– Здравствуй! – сказал он мне.

– Здравствуй, – отозвался я.

– Что это за дорога?

– Не знаю. Не хочешь мне помочь?

Я наклонился и выдрал куст, изрезал ладони и увидел, что у мальчика руки были в ссадинах.

– Зачем тебе это нужно? – спросил я его.

– Ты же видишь – дорога заросла. Надо её расчистить.

– Зачем?

– Все дороги ведут куда-нибудь. Разве стали бы её строить, если бы она не вела никуда?

– Но ведь её забыли.

– А вдруг на том конце этой дороги кто-то тоже расчищает её? Мы идём навстречу друг другу.

– У тебя не хватит сил.

– У меня одного сил не хватит. Но вдвоём с тем, кто с того конца расчищает её, мы справимся.

– Я буду тебе помогать, – сказал я.

На другой день я не нашёл мальчика в том лесу. Но я понял его наказ: нельзя забывать дорогу к близким людям. Этим дорогам я нужен. Когда я начинал расчищать забытый путь, с другого конца начиналось такое же движение.

Адаптация – это облегчение понимания прочитанного. Именно прочитанного! После облегченных текстов надо переходить к полноценным. Чтение сокращённых текстов – только путь к тому, чтобы читать весь написанный автором текст, пусть не весь роман, а главу из него или один эпизод, но весь, не изуродованный ножницами. Необходимо издавать книги без купюр, лишаящих смысла весь текст, без пересказа, искажающего и содержание, и форму произведения. Текст

надо пояснять. Это именно проблема толкования, а не порчи художественного произведения. Решает проблему комментирование. Комментарий как жанр филологического исследования, имеющий огромную историческую практику, – это мощное обучающее средство. Комментарий – маяк, руководство, путеводитель по страницам книг, составляющих гордость русской культуры.

Степень понимания может быть различной. Необходимо добиваться и осознания темы и сюжета, и проникновения в замысел автора, то есть усвоения эстетической цели художественного произведения, будь то стихотворение или роман.

Комментарий, содержащий достаточное количество информации – лингвистической, литературоведческой, исторической, этнографической, этимологической, способен пробудить интерес к чтению и к языку.

Правы ли мы? Обратимся к классикам. Пушкин, например, в поэме «Медный всадник» сам составил примечания. Первое: «В Европу прорубить окно». Соблюдая точность научного высказывания, он сообщает источник образного выражения: «Альгаротти где-то сказал: Петербург есть окно, через которое Россия смотрит в Европу» [4, с. 398]. Во втором примечании поэт отсылает читателя к стихам Вяземского: «Смотри стихи кн. Вяземского к графине З***» – по поводу описания белых ночей в Петербурге [4, с. 398]. В третьем – к стихам Мицкевича [4, с. 398]. В четвёртом он уточняет свой стих «Его пустились генералы...» – «граф Милорадович и генерал-адъютант Бенкендорф» [4, с. 398].

Описав памятник Петру I работы Фальконе:

Ужасен он в окрестной мгле!

Какая дума на челе!

Какая сила в нём сокрыта! [4, с. 398].

Пушкин, не боясь разрушить сильное впечатление, указывает в пятом примечании: «Смотри описание памятника в Мицкевиче. Оно заимствовано из Рубана – как замечает сам Мицкевич» [4, с. 398].

О чём свидетельствуют эти авторские комментарии и что они нам завещают? Объективность, научную точность и даже щепетильность, стремление углубить знания читателя, обогатить его представления о данном (описываемом) явлении, не боясь ни нарушить эстетическое впечатление, ни напугать сложностью к отсылкам (сначала Пушкин адресует к Мицкевичу, а потом – к Рубану).

Эта же манера обнаруживается в предисловии, состоящем из трёх фраз, последняя из которых отсылает любознательных читателей к материалам о наводнении, составленным В.Н. Берхом [4, с. 379].

Самая естественная и понятная причина – стремление поэта быть услышанным до конца, с учётом всевозможной информации. И «Медный всадник» не исключение. К поэме «Полтава» Пушкин написал примечания в количестве 34 статей [4, с. 306-310], с цитированием на русском, французском и древнерусском языках. Среди этих примечаний есть объяснение значения одного слова, исторических событий и лиц, фактов и прочее. Романтическую поэму «Бахчисарайский фонтан» сопровождают два прозаических текста: 1 – «Выписка из путешествия по Тавриде И.М. Муравьёва-Апостола» [5, с. 196-200] и 2 – «Отрывок из письма» [5, с. 200-202], текст самого Пушкина. Его «История Пугачёва» (208 страниц [5, с. 149-275]) содержит 82 страницы примечаний к главам [5, с. 149-356] и 8 страниц приложения «Замечания о бунте» [5, с. 357-364]. Эти материалы, вместе взятые, послужили фоном для исторической повести «Капитанская дочка», потому, видимо, и не имеющей собственных примечаний.

Пушкин с его авторскими комментариями не одинок в русской литературе. В.А. Жуковский писал примечания к некоторым своим стихотворениям. Н.В. Гоголь составил словарь к каждой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и в добавление к нему – примечания, объясняющие значение фразеологизмов. Гоголь пишет: «На всякий случай, чтобы вы не помянули меня недобрым словом,

выписываю сюда, по азбучному порядку, те слова, которые в книжке этой не всякому понятны» [1, с. 11-13] и поясняет 76 слов [1, с. 94-96].

Сопровождал примечаниями свои рассказы и И.С. Тургенев. Л.Н. Толстой сам перевёл с французского языка обильные диалоги своих героев в «Войне и мире», а диалектизмы поясняет прямо в тексте романа. Неужели наши классики не могли просто избегать слов и выражений, непонятных широкой массе читателя? Раз уж они так о нем заботились, то и писали бы попроще. Или они стремились познакомить нас с новыми словами и реалиями? И потому сами их и объясняли. Можем ли мы игнорировать эту практику, давно сложившуюся в русской литературе, ставшей классической?

Ответом служат научные комментарии к современным изданиям русских писателей как комментарий Ю. Лотмана к роману Пушкина «Евгений Онегин». Автор его пишет, что «никто ... не имеет права претендовать на сколь-либо полное понимание произведения, если ограничился той степенью проникновения в текст, которая обеспечивается знанием русского языка и здравым смыслом, и пренебрегает расшифровкой намёков, обнаружением скрытых цитат и реминисценций, если не знает реалий быта, не чувствует стилистической игры автора» [3, с. 179].

Лотман различает два вида пояснений: текстуальный и концептуальный. Первый поясняет текст как таковой, второй вводит в мир интерпретаций историко-литературных, стилистических и др. Первый вид мы находим в комментариях, второй – во вступительных статьях и монографиях [3].

Интересно мнение иностранного специалиста, и таковое имеется. Профессор Вашингтонского университета Е.Н. Лерман опубликовал статью «Требуются американские «пособия» для русской классики». Он пишет, как сложно американскому студенту колледжа или университета постигать русскую классику, что для чтения Чехова или Достоевского требуются многотомные сло-

вари, которые имеются не во всех университетах, да и листать которые – трудоёмкое занятие. Лерман считает, что словарь, дающий 2 – 3 толкования слова, не всегда достаточен, и контекст не всегда может подсказать значение слова или выражения, например, в игре слов: «я иду по ковру», в такой авторской характеристике, как «Ноздрёв был... исторический человек». Особая трудность состоит в различии культурных фонов читателя и писателя. Так, в «Пиковой даме» Пушкин сопрягает события, отделённые 50 годами и тысячам миль, упоминая Лебрун, Лероу, Монгольфера и Месмера. Объяснить эти имена профессор считает обязательным, ещё он счёл необходимым пояснить контакты Пушкина с упомянутыми лицами и прототипами повести. В языке, считает Лерман, в отличие от арифметики, сумма слагаемых не равна этим слагаемым. В выражениях «все-го доброго», «отказаться по завещанию», «воля ваша», «обнести блюдом» и т. п. отдельные слова сами по себе понятны, но их сочетание имеет совсем иное значение – и его надо раскрыть. Лерман не ограничивается теорией, он предлагает многоаспектный комплексный комментарий и приводит его образец. К рассказу Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (78 страниц) он создаёт комментарий из 82 словарных единиц. Он уверен: «Способ привлечь студента на наше поприще – показать его [языка] богатство» [2].

Для многих современных читателей первой и самой сильной преградой является сам язык художественного произведения с его лексикой, фразеологией, стилистикой, сферой употребления, игрой слов и ассоциаций. Что можно обозначить как объекты необходимого разъяснения? Это следующие моменты. Ненормативные и устаревшие слова и выражения, грамматические конструкции, диалектизмы в прямой и авторской речи; различные виды игры слов, каламбуры, деформация идиом, сложные авторские обороты речи и образы; имена собственные – топонимы и антропонимы, кроме общеизвестных, и производные от них; аббре-

виатуры, условные обозначения и символы, не зарегистрированные в словаре; иноязычные вкрапления, не переведённые автором; цитаты и аллюзии, явные и скрытые; исторические факты и явления государственного устройства, социально-культурные реалии, элементы национального быта, национальные традиции и обычаи, религиозные обряды; архаичные предметы быта.

Идеальной представляется такая книга, в которой текст дан как художественное целое, а его элементы – лексика, грамматика, образная система – объяснены и во взаимодействии, и в связи с внетекстовыми реалиями. Именно такие книги должно выпускать государственное учебное издательство. Их список должен естественно определяться школьной программой. И это тем более актуально, что сейчас провозглашён принцип создания единого учебника по русскому язы-

ку и литературе. Ведь даже грамматическими примерами в учебнике по русскому языку должны служить цитаты из классических произведений русских писателей и поэтов. Подобные издания способны и сформировать устойчивый навык к чтению, и воспитать художественный вкус.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 1. – Ленинград: Художественная литература, 1976. – 336 с.
2. Лерман Е.Н. Требуются американские «пособия» для русской классики. // *The Slavic and East European Journal*. – 1969. – № 3. – С. 69-98
3. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – Ленинград: Просвещение, 1980. – 416 с.
4. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 4. – М.: Академия наук, 1963. – 596 с.
5. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 8. – М.: Академия наук, 1963. – 596 с.